

О САМОЙ СВИРЕПОЙ И ЗАКОНСПИРИРОВАННОЙ БАНДЕ 30-Х ГОДОВ.

ОСНОВАНО НА МАТЕРИАЛАХ РЕАЛЬНОГО ДЕЛА

ЧЕКИСТЫ

ВОЛКИ СТАЛИНА

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

БЕСОВСКАЯ БАНДА

Чекисты. Волки Сталина

Сергей Зверев

Бесовская банда

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Зверев С. И.

Бесовская банда / С. И. Зверев — «Эксмо», 2022 — (Чекисты. Волки Сталина)

ISBN 978-5-04-169446-3

В 20-30-х годах прошлого века страну захлестнула волна криминала. Подняли головы контрреволюционные элементы, процветают бандитизм, убийства и разбой. Чекисты из ОГПУ-НКВД день и ночь ведут смертельную схватку с криминалом... Юг России вот уже десять лет сотрясает серия жестоких убийств. Бандиты убивают без разбора всех — мужчин, женщин, старых и малых. Серийные душегубы, раз изведав человеческой крови, стали как тигры-людоеды — хотят пить ее снова и снова. В ростовском управлении ОГПУ банду окрестили «бесами». Дело «бесов» поручили молодому чекисту Исаю Апухтину. Только принял должность, как сразу пять новых жертв. И никаких зацепок. После нескольких бесплодных попыток выйти на след мокрушников молодому чекисту вдруг повезло: случайный свидетель рассказал, что на станции «Тихорецкая» познакомился с двумя подозрительными мужчинами. Те якобы нанимали работников в совхоз. Но уж больно странно они себя вели. По фотографиям свидетель опознал одного из них — им оказался матерый мошенник-гастролер по кличке Коля Поп. Апухтин начал разработку банды именно с него.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-169446-3

© Зверев С. И., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	23
Глава 7	25
Глава 8	31
Глава 9	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Сергей Иванович Зверев

Бесовская банда

© Зверев С.И., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Глава 1

1917 год

Ранним туманным утром Варнака разорвало вражеским снарядом. И все, нет теперь Варнака.

Ох, сколько же этих снарядов у германца! Русская пушка пару раз в день выстрелит. А тевтоны ровно по часам грохотать начинают и снарядов не жалеют. Земля трясется, комья летят. Перепахиваются позиции. Кажется, никто не выживет. Но православные выживать приспособились, так что с этих артобстрелов потери не так уж и велики. Но вот только страх канонада нагоняет лютый, и привыкнуть к ней не получается. И так день за днем.

Но иногда снаряд все же найдет русского человека. Вот как сейчас – Варнака.

Испытывал ли товарищ убитого Гордей Бекетов по этому поводу горе или хотя бы сожаление? Нисколько. Только лишь одно чувство неудобства, которое повлекла за собой эта кончина.

Эх, не успел Варнак совсем немного. Хотели они с Бекетовым в ближайшие дни заканчивать с опостылевшей войной. Каким образом? Сперва думали перебежать к германцу. Ну а что! Многие перебежали, поскольку германец обещал пленных сытно кормить, да еще неплохо платил за принесенное с собой оружие и снаряжение. Даже поговорка ходила по окопам: «За горох и чечевицу убегаю за границу». Но передумали. Боязно как-то с этими немцами связываться, все же непонятный они народ, не свой. Лучше уж в тыл. Теперь придется Бекетову идти одному. Сегодня же. Смерть Варнака – это божий знак, означающий, что пора бежать. Еще одной зимы в окопах не выдержать.

Бекетов погладил себя по пузу, где в матерчатый пояс были вшиты трофеи с мародерки. Мародерничал он вместе с Варнаком. Тот был родом с Урала, и все его предки и земляки веками занимались разбоем на большой дороге, за что их клеймили, вешали, пороли, выселяли. Но они все равно возвращались в свои места и продолжали разбойничать.

Первые годы войны за мародерство и расстрелять могли. Но порядок уже давно не тот. В окопах брожение. Никакие военно-полевые суды не помогают. Надоела всем война. Надоели офицеры. Надоел и сам царь батюшка. У всех была страшная усталость от окопов. И еще людьми овладевало предчувствие какой-то грандиозной грядущей перемены.

Некоторое время назад сам Бекетов испытывал дичайшую, корежащую душу злость – на войну, на командиров, на царя. Теперь осталась лишь пустота. Бездонная пустота, в которой копошилась алчная и жестокая тьма.

Солдаты бежали от войны, как только могли. Никто не хотел умирать. Дезертирства стали массовыми. А еще пошла мода на самострелы. Пальнешь себе в кисть левой руки, и пусть ее хирург оттяпает, но зато домой отправишься. Но вот только военные врачи научились почти безошибочно выявлять самострелы, так что часто кончались подобные забавы военно-полевыми судами. Как-то Бекетов по пустяковой ране попал к медикам. Так уставший доктор поведал, что нынче каждое пятое ранение у солдат – это самострел.

А как все красиво начиналось! Как в первые дни войны в порыве верноподданнического патриотизма толпы добровольцев рвались наказать зазнавшегося тевтона! И что теперь эти добровольцы думают о своих недавних высоких душевных порывах, если, конечно, живы?

Война, будь она проклята! Низкое, давящее серое небо. Холод. Грязь. Канонада. Переводная. И ставший домом окоп. Впереди – колючая проволока, заграждения. А за ними немцы. Наверное, не такие уставшие. Более сытые. Если у них столько снарядов, то консервов, по всей вероятности, никак не меньше.

От мыслей о консервах заурчало в животе. Бекетов вздохнул. Приподнялся так, чтобы ненароком не выглянуть из-за бруствера и не стать жертвой шальной пули. Сжал сильнее трехлинейную винтовку Мосина. Поморщился – в бок стрельнуло. Все же тридцать восемь лет вчера стукнуло. А это уже давно не тот возраст, чтобы без последствий для здоровья мерзнуть по окопам.

«Все. Решено. Ухожу!» – подумал он и, пригнувшись, отправился тем самым путем, который они давно продумали с Варнаком.

Он выбрался за линию окопов, где никто не обратил на него внимания. И двинул по ложинке да по низу оврага напрямик к ближайшей деревне. Потом выйдет на тракт и доберется до железной дороги. А там – поминай как звали. В тыловом хаосе можно затеряться без труда. А дальше – вагоны, перестук колес. И тихое село на юге России. Родной дом. Родная опостылевшая жена. Там он надежно затаится. И никакие жандармы его не найдут. Тем более дорогих цацек – карманные часы и даже золотишко, на мародерке он поднакопил.

Бекетов скользил по снегу. Утопал в сугробах. Но все-таки вышел на протоптанную тропинку, идущую в овраге вдоль замерзшего от мороза ручья. Оставалось пройти километра три. И не будет ни взрывов, ни стрельбы.

Тут и столкнулся он чуть ли не нос к носу с командиром роты капитаном Лазаревым. Некогда статный и высокомерный блестящий офицер ныне был потрепан, почти не следил за собой, его щеки поросли темной неаккуратной щетиной. А во взгляде застыла какая-то обреченность.

Капитан отсутствующе посмотрел на своего солдата – невысокого, сухощавого, жилистого, с некрасивым рябым лицом и глубокими морщинами на лбу. И будто не узнавал его. Потом больше для порядка взревел:

– Бежать задумал, отродье?

– В деревню, ваше благородие! – хмуро ответил Бекетов. – В животе у нас черти в пляс пустились. Обменяю что-нибудь на еду.

– Обменяю, – передразнил Лазарев. – За оставление позиции и промотание имущества знаешь, что бывает!

– Так голодно же, выше благородие!

– Тьфу, темнота, – махнул рукой капитан. Повернулся и зашагал в сторону передовой.

То ли разрешил, то ли нет. Но это уже и неважно. Да, не тот капитан Лазарев стал. Раньше сразу бы в зубы дал. Но растерял былой задор. Выпили окопы его былую душевную силу.

Бекетов задумчиво посмотрел вслед своему командиру. Тут налетел порыв ветра, пробила мороз через латаную-перелатаную, потертую и совсем не греющую солдатскую шинель. Тяжело в такой шинели в окопах. И до дома еще добираться. А у капитана шинель вон какая – новая, теплая. Да и часики его... Да и вообще...

Сняв винтовку с плеча, Бекетов прицелился. Да и выстрелил командиру метко в затылок.

Капитан повалился в снег, как сноп. Даже вскрикнуть не успел. А убийца неторопливо направился к нему.

И едва сам не упал от неожиданности, когда услышал окрик сзади:

– Замер! Винтовку опустил! И не балуй!

Сразу стало еще холоднее. Онемевшими руками Бекетов, понявший сразу, что сейчас лучше не дергаться, а то схлопочешь пулю от обладателя столь уверенного голоса, кинул свою добрую потертую трехлинейку на снег. И осторожно обернулся.

Сзади стоял, поигрывая револьвером, прапорщик Кугель. И откуда только появился, как черт снежный? И что им всем именно сегодня надо на этой тропинке?! Вот же судьбинushка клятая. Как будто Бог обиделся сегодня на солдата.

Прапорщик пристально рассматривал солдата, целясь ему из револьвера в лоб. Потом глумливо улыбнулся и опустил оружие.

Звали этого высокого, плечистого и стройного молодого человека с насмешливым взглядом Львом Кугелем. И был он фигурой совершенно непонятной и сильно странной. Такая воистину темная лошадка, от которой не знаешь, что ждать и когда она взбрыкнет. С одной стороны, в его голубых глазах читалось стойкое презрение ко всей окружающей действительности. Он будто отодвигал ее от себя. С другой – с его приходом в роту стали появляться листовки, призывавшие к революции. Бекетов был уверен, что именно прапорщик их подсовывал. Да и разговоры вел подрывные: мол, задуматься пора, как дальше жить простому крестьянину, ибо скоро батюшке-царю конец. Все долдонил, что есть люди, которые выступают за крестьянскую волюницу и достаток – это левые эсеры, самая боевая революционная партия. Скорее всего, он сам и был эсером, которого, не разобравшись, со студенческой скамьи военные бюрократы призвали в армию. Сейчас всех образованных призывали и после кратких курсов производили в прапорщики, поскольку младшие офицеры на войне долго не живут и постоянно требуется их пополнение.

Прапорщик Кугель подошел к распростертому на земле капитану. Посмотрел внимательно на уже отдергавшееся тело. Пнул сапогом и сказал:

– Жалкая прислуга эксплуататоров и царских сатрапов. Так со всеми будет.

Потом вперился глазами в Бекетова. Тот подумал, что сейчас прапорщик выстрелит в него. Но Кугель лишь пафосно изрек:

– Новые времена наступают! Крестьянин на Руси свою судьбу в свои же руки возьмет! И перебьет кровопийц!

Бекетов боялся лишний раз вздохнуть. Все ждал выстрела из нагана. Но прапорщик как-то рассеянно посмотрел на него и махнул револьвером:

– А ты иди, солдатик. Зови Русь к топору. Пусть сильнее грянет буря. – Какой-то лихорадочный блеск появился его в глазах.

Потом Кугель подобрал винтовку. И неторопливо пошел прочь, в сторону передовой.

Бекетов простоял как вкопанный некоторое время. А потом кинулся к капитану, стягивать с него офицерскую гимнастерку и шинель. Шарить по карманам. Дорога предстояла дальняя. И в ней пригодится все...

Глава 2

1932 год

Каким образом Исай Апухтин успел пригнуться – он и сам не понял. Будто что-то дернуло его и голос с небес велел: «пригнись». И он, не думая, отпрянул назад. Согнулся. И прямо по волосам над его макушкой прошелестело лезвие увесистого и, наверное, острого топора. Таким вполне можно смахнуть голову.

Не удержавшись на ногах, Апухтин сделал еще шаг назад и упал на пол, больно приложившись спиной о стену. Под рукой что-то треснуло, хрястнуло. И он почувствовал, как рассекается кожа на ладони, наткнувшейся на какую-то железяку, брошенную на лестничной площадке. Боли почему-то не было совсем, но понятно, что рана глубокая и сейчас кровь хлынет потоком. Хотя не об этом надо думать! Выжить бы!

Другой рукой он рефлекторно заслонился солидным кожаным портфелем с золотистыми застежками, который везде таскал с собой. Подарок дяди Яши, единственная дорогая вещь. И возникло совсем уж странное сожаление – не о себе, а о том, что если сейчас рубанут по нему лезвием топора, то разрубят такую хорошую вещицу.

Какой идиот сказал, что главное оружие следователя – это авторучка? Какой толк от этой несчастной авторучки?! Сейчас бы двустволку с жаканом на медведя! Потому что тот, кто едва не снес следователю голову, походил именно на разъяренного косолапого, которого ничем, кроме жакана, не остановить.

Вот она, смерть, рядом. Только не с косой, а с топором. И конец всем планам и надеждам. Обидно до ужаса! Ведь всего-то Апухтин хотел принять участие в обыске и задержании преступника, которого он так тщательно и настырно искал.

Чего у Апухтина не отнимешь – это природной цепкости и ненависти к любому поражению. Вот и вцепился он, как бойцовый бульдог, в то зависшее дело с нападением на кассу лесхоза. Бандиты с особой дерзостью похитили крупную денежную сумму, предназначенную на зарплату и расчеты, а также расстреляли из обрезов троих человек.

Отработали оперативники уголовного розыска по этому делу тщательно. Проверяли десятки людей на причастность. И хоть бы что – дело так и оставалось глухим. Ровно до той поры, пока за него не взялся молодой прокурорский следователь Апухтин. Он с воодушевлением принялся перепроверять, казалось, уже навсегда отпавшие версии. В итоге подработал одну из совсем незаметных фигур – женщину из правления лесхоза. Была она блеклая, снулая и вообще никакая. Как такую заподозрить в злом умысле? Но едва Апухтин заговорил с ней, будто в груди что-то укололо, и возникла уверенность: «Она!»

Он настоял, чтобы оперативники уголовного розыска занялись ею предметно, с применением всех специфических методов агентурно-оперативной работы. Сумел зажечь в них уже прилично потухший по отношению к этому делу энтузиазм. В общем, подняли ее подноготную. Установили скрытое наблюдение. А потом хитрыми путями донесли до нее, что она теперь главная подозреваемая и скоро ее могут прийти арестовывать. Эта дура тут же и кинулась к своему поделнику – жаловаться на жизнь и требовать немедленно ее спасти. Кстати, тот оказался ее двоюродным братом и заслуженным рецидивистом. О наличии такого родственника она скромно умалчивала.

Во время встречи в частном доме на окраине Свердловска их и взяли. При обыске глубоко в подполе нашли часть похищенных денег, которые преступники так и не успели потратить. Долго упираться они не стали. Сначала раскололась женщина, а потом и ее двоюродный брат. И по их показаниям возникла зловещая фигура главаря этой шайки. Тот носил кличку

Ксендз, происходил откуда-то из Польши и еще при царе людей грабил и убивал. О том, где он скрывается, арестанты не знали.

Поиск главаря банды затянулся на полтора месяца. Наконец, угрозыск выяснил, что Ксендз три месяца жил у них прямо под носом. Снимал комнатенку в центре Свердловска, в старом трехэтажном здании – бывшем доходном доме купцов Востротиных. Как раз рядом с городским управлением рабоче-крестьянской милиции.

Начальник угрозыска Кречетов, получив информацию, тут же собрал группу захвата и объявил следователю, что едет брать душегуба. И Апухтин со всем своим молодым задором напросился в компанию – мол, чтобы сразу все оформить на месте, произвести обыск, первоначальный допрос.

Вошли они в богатый подъезд дома Востротиных. Поднялись на третий этаж. На стук в дверь никто не ответил. Сережа Лисин, ныне опер, а в прошлом человек с богатой биографией, поковырялся отмычкой несколько секунд в замке. И толкнул дверь, приглашая войти. После чего они с Кречетовым двинули внутрь, велел следователю:

– Жди, пока не позовут!

А потом в квартире послышался дикий грохот. Матюги. Вопли. И из дверей на лестничную площадку вывалился звероподобный громила с топором.

И вот Апухтин съехался на полу, прикрываясь портфелем и ожидая, что его сейчас забьют, как барана.

Но мысль у бандита была одна – вырваться и убежать. А для этого снести все преграды на своем пути. Больше не обращая внимания на лежащего на полу следователя, он ринулся вниз по лестнице. Ноги его заплелись. Он упал, прилично приложившись о ступени. Как-то тяжело поднялся. И двинул дальше.

Тут сосулькой в сознание Апухтина воткнулась мысль, от которой он весь замерз. А ведь сотрудников розыска, скорее всего, этот зверюга просто порубил на куски. Они даже выстрелить не успели.

И тут из дверей показался покачивающийся Кречетов. Левый рукав его драпового пальто был пропитан кровью, но начальник угрозыска не обращал на рану внимания. Он перегнулся через перила. Поднял руку с наганом. И выстрелил три раза.

После первого выстрела шустрый Ксендз споткнулся, уцепившись за перила, но тут же ринулся дальше. После второго упал на колено и пополз. Третьим выстрелом его уgomонили окончательно.

– Вот же... – Кречетов болезненно поморщился.

– Черт, убили. И допросить некого, – разочарованно произнес Апухтин.

Кречетов посмотрел на него изумленно...

Слава богу, Ксендз никого до смерти не зарубил. У Кречетова был глубокий порез на руке. Лисина бандит рубанул по бедру, но кость не переломил. Ему перетянули ногу жгутом и спасли от опасной потери крови. Так что будет жить, ходить. И служить, несмотря ни на что.

Апухтин заявился домой уже поздней ночью с перевязанной ладонью. Аглая, молодая и вечно насмешливая, но страшно любимая жена, оглядела его критически и потребовала:

– Ну, боец правосудия, рассказывай.

Он пожал плечами:

– Да ничего особенного. Споткнулся на лестнице. Порезался.

– В подробностях, – строго потребовала Аглая, отлично видевшая, когда муж юлит.

Сколько он сам колот преступников. Но так, как жена его умеет раскалывать – в два слова и в один взмах ресницами, – тут можно только позавидовать.

Выслушав сбивчивый рассказ мужа и приперев его наводящими вопросами, Аглая только вздохнула:

– У всех евреи как евреи, то есть богатые адвокаты. И только у меня следователь.

– Сама-то, – скривился Апухтин.

Жена работала в Управлении юстиции Уральской области и вскоре должна была стать областным судьей. Кроме того, она была всегда по макушку погружена в партийные дела и общественную жизнь, жгла глаголом сердца, звала на трудовые подвиги людей, сама шла в первых рядах и вечно находилась в центре внимания. То есть являлась полной противоположностью тихому и скромному в быту мужу, не любящему суету вокруг собственной персоны, но методично и неумолимо делающему свое дело. Вот и сошлись, как положено по диалектическому материализму, две противоположности, образовав в борьбе единство.

– Ну, так я же русская. – С улыбкой она вздохнула ему голову. – Мне расчет вреден. Мне полет нужен...

Начальство оценило заслуги Апухтина по достоинству. Уже через несколько дней, 14 января 1932 года, ему в торжественной обстановке в актовом зале областной прокуратуры вручили памятные часы за изобличение опасной банды. 16 января он отпраздновал свой двадцать четвертый день рождения в очень узком кругу – только он и жена. А 17 января его пригласили на доверительную беседу в Уральский обком.

Принял его второй секретарь обкома Личутин – невысокий, лысый, как колено, и очень энергичный толстяк. Он отвечал за партийное руководство судебными и правоохранительными органами. Апухтин не раз видел его на всяких собраниях в областной прокуратуре, но лично знаком не был. Слишком высокого полета эта птица, чтобы ручаться с ней простому следователю. Но сейчас секретарь обкома сам протянул руку. И рукопожатие у него было пролетарски крепким.

– Молодец! Настоящий зубр правосудия, – улыбнулся секретарь, приглашая гостя присаживаться. – Наслышан я о тебе давно, товарищ Апухтин. Знатно ты поголовье душегубов в нашей области проредил. Так и должен бороться за правое дело настоящий коммунист.

– Спасибо. Готов служить партии на самых трудных участках, – дежурно отрапортовал Апухтин.

– И это правильно, – обрадовался его словам секретарь обкома и лукаво поглядел на следователя. – Особенно насчет участков. В корень глядишь.

Теперь стало совершенно ясно, что хозяин просторного кабинета с чредой портретов классиков марксизма-ленинизма на стенах куда-то клонит и к чему-то подводит.

– Бандитизм – это родимые пятна старого общества, тяжелое наследие гражданской войны, – напутственно произнес секретарь обкома. – Но мы справимся. С такими коммунистами, как ты, молодыми, надежными, мобильными, – да нам любое дело по плечу.

– И на какой меня участок? – со вздохом спросил Апухтин, оценивший слово «мобильность» и уверенный, что сейчас его зашлют куда-нибудь к чукчам создавать и крепить социалистическую законность. Иначе к чему бы такие изошренные заходы издалика?

– Ну что за паника? – с пониманием посмотрел на него секретарь обкома. – Не бойся. Хорошие места. Теплые. Товарищи с Ростова-на-Дону просят помочь. Очень их лихой народец в последнее время донимает. А мастеров не хватает. Ты же у нас мастер по убийствам.

– По раскрытию убийств, – поправил Апухтин, немножко расслабляясь.

Зазвенела в его душе давно уснувшая врожденная практическая жилка. Ростов-на-Дону. Это тепло, солнце, фрукты. Это вам не Урал с его переменчивыми погодами и лютыми морозами. Да еще Аглая – она же из Воронежской области. Рядом совсем.

– Это ты правильно поправил, – улыбнулся секретарь обкома. – Получишь сегодня же на работе направление. На должность оперуполномоченного Управления рабоче-крестьянской милиции Северо-Кавказского края.

– Я же прокурорский работник! – протестующе воскликнул Апухтин.

– Сегодня прокурорский. Завтра – в милиции. Послезавтра в ОГПУ. Но ты прежде всего коммунист, Исая Лазаревич. А партия приказала... Или есть возражения?

– Какие там возражения, – махнул рукой Апухтин.

Он спустился по гранитным ступеням Уралобкома в каких-то раздраенных чувствах. Да, южный климат и фрукты – это, конечно, хорошо. Да и Свердловск его ничем не держит – это не его родной город, хотя и прижился тут за три года. Но сколько же проблем свалится. Переезд на новое место. Новые сослуживцы. Жилье. И, главное, что делать с работой Аглаи? Вряд ли она сейчас снимется с места, хоть и в родные края. У нее своя работа, тоже важная и ответственная. И у нее тоже множество обязательств.

Да ладно, плевать! И правда, тут главное, что это партийное поручение. А коммунисты от них не отказываются. Иначе в партии делать нечего...

Глава 3

1917 год

До дома Бекетову так и не удалось добраться. Загребастали его жандармы на железной дороге еще в прифронтовой полосе. С фронта теперь солдаты бежали целыми подразделениями, часто с оружием. Они бесчинствовали, сколачивались в воровские и разбойничьи шайки, так что спасу обывателям от них не было. И теперь специальные усиленные отряды жандармерии тщательно проверяли все поезда и с готовностью стреляли при малейшем неповиновении.

Бекетова и еще двоих дезертиров с мешками, полными награбленного барахла, сняли с набитого народом, как бочка сельдями, вагона. Кинули в камеру в старинном заброшенном монастыре с толстыми мшистыми стенами, отлично сгодившемся под военную тюрьму.

В начале войны, когда Бекетов только начинал службу, на дезертиров смотрели сквозь пальцы. Их отлавливали и чаще возвращали в их же части. Иногда отправляли в арестантские роты. И только если особо неугомонные бежали с фронта в третий раз, то могли отправить на каторгу, а то и казнить. Но со временем дезертирство приняло такие масштабы, что грозило растворить всю армию, как кипяток растворяет сахар. И в начале 1916 года был принят новый закон. Теперь за побег в военное время грозило до двадцати лет каторжных работ или смертная казнь. И если сначала военное правосудие еще цацкалось, то с каждым днем становилось все злее.

Так что светил Бекетову расстрел. Особенно если принять во внимание, что его записали в компанию к команде мародеров и разбойников, с которыми его задержали в поезде. Те архаровцы с мешками кого-то из обывателей убили, добро награбили. И только согласно кивали в ответ на вопрос, был ли Бекетов вместе с ними. Зачем им это надо? Скорее всего, полагали – чем больше народу в их шайке, тем выше шанс отвертеться от смертной казни. Всех же не перестреляешь. А самого Бекетова никто не слушал. Хотя если дознаватели копать вглубь начнут, тут тоже ничего хорошего ждать не приходится. Выплывет история с убийством капитана Лазарева. И вот тут без каких-либо лишних вопросов поставят к стенке.

Десятки задержанных в поездах солдат плотно набились в просторной камере с низким сводчатым потолком и мощными железными решетками на узких окнах. Здесь некогда была трапезная монастыря.

Ежедневно кто-то пытался выдрать или подпилить решетки, но те были сделаны на совесть и не поддавались. Да и окна вели во двор монастыря, отлично просматриваемый и простреливаемый караулом. Коридор, в который выходила камера, тоже перекрывался дверьми и решетками. Так что бежать было бесполезно.

Трапезная отапливалась лишь дыханием постояльцев. Холод там стоял страшный, поэтому шинели у арестованных не забирали. И Бекетов, зябко съезжившись на нарах, не раз хвалил себя за то, что так предусмотрительно забрал шинель у капитана Лазарева. Ну как забрал – снял с тела. Но это сейчас неважно. А важно было то, что шинель эта грела.

Потекли дни за днями в заключении. От холода и неопределенности солдаты почти не общались друг с другом. Больше были погружены в мрачные думы о своей судьбе.

Бекетову было страшно жалко себя. Никого на свете больше не жалко, а себя до дрожи. Вот, кажется, скажи ему сейчас голос свыше: «Весь мир погибнет, а ты один останешься жить. Согласен?» Так он на коленях ползал и от счастья такого лоб в поклонах разбил бы. Но вот только не скажет ему никто такого. А прозвучит приговор военно-полевого суда, который тут же приведут в исполнение. «Пли!» – и все.

В общем, мысленно Бекетов с жизнью распрощался. И только по привычке истово молился Богу, целуя крестик на груди, чтобы отвел Всевышний беду от раба своего.

А Бог взял да услышал!

Тем утром скудный завтрак не принесли. Народ начал роптать и кричать, бить в дверь камеры. Но это не произвело никакого видимого эффекта.

Неожиданно тяжелая, обитая металлом деревянная дверь с лязгом открылась. На пороге возник крупный отъевшийся охранник со счастливым лицом. Он ликующе возвестил:

– Братцы! Царь отрекся! Правительство временное! Войне конец! Выходите! Вольным воля!

Ответом ему было оторопелое молчание.

– Теперь мы хозяева в Державе! – опять завопил охранник.

И тут вся толпа взорвалась криками. Да и рванула из переполненной камеры в морозный мартовский день 1917 года.

Когда людская масса схлынула, то на полу остался выпустивший ее на волю охранник. Ему кто-то по старой памяти хорошенько саданул кулаком в живот, и он теперь, переводя дыхание, думал, не погорячился ли, выпуская этот сброд на свободу. Как оказалось, у безудержной свободы бывают не только баловни, но и жертвы...

Глава 4

1932 год

На дверях здания с колоннами стоял строгий часовой в тулупе и валенках – морозы в конце января стояли трескучие.

Апухтин вежливо обратился к нему:

– Мне к товарищу Державину.

– Назначено? – хмуро осведомился часовой.

Апухтин показал предписание о направлении в распоряжение ОГПУ.

Часовой критически осмотрел визитера с ног до головы. Был тот невзрачный, блеклый, худенький, невысокий. И очень молодой. Одет затрапезно – в потертое пальтишко, на голове шапка-ушанка, в руках потертый фибровый чемоданчик и неожиданно солидный кожаный портфель с золотыми застежками. В целом особого доверия эта личность не вызывала. Но предписание есть предписание – пришлось вызывать дежурного.

Дежурный, ознакомившись с документами прибывшего, кивнул:

– Меня о вас предупреждали.

После чего собственноручно выписал пропуск и провел гостя в здание. Они прошли по коридорам, заполненным разношерстным народом в военной и милицейской форме, партикулярном платье, мечущимся с документами под мышкой и чайниками в руках. Здесь царила так хорошо знакомая Апухтину суета советского учреждения.

В небольшой приемной за узким столом, на котором стояли два массивных черных эбонитовых телефона, гордо возвышалась сухощавая некрасивая секретарша лет тридцати, на ее голове была повязана в комсомольском стиле косынка. Таблички на дверях приемной указывали на обитателей кабинетов. Справа обустроился начальник краевого Управления ОГПУ, а слева – его заместитель.

– Раздевайтесь и проходите, вас ждут, – сухо произнесла секретарша.

Апухтин повесил на круглую напольную вешалку свое знавшее лучшие времена пальто с воротником из кролика, закинул шапку-ушанку. Стянул галоши и поставил их на специальную подставку. Пристроил рядом чемоданчик с дорожными пожитками. Пригладил перед зеркалом в углу приемной волосы, поправил галстук. Потом остановился перед дверью заместителя начальника ОГПУ, пожившись.

От знакомства с новым руководителем много зависело в его дальнейшей работе и жизни. А по практике он знал, что начальником вполне мог оказаться грубиян, самодур или верхогляд. Поэтому переступал порог кабинета опасливо.

Из-за стола поднялся мужчина среднего возраста и среднего роста, с непомерно широкими плечами. Вышел, протянул громадную, квадратную руку, в которой утонула узкая ладонь гостя.

– Товарищ Апухтин. Присаживайтесь! Ждали вас. Ждали и надеялись, – улыбнулся он и нажал на кнопку звонка на столе.

В комнате тут же возникла секретарша. И хозяин кабинета попросил:

– Лизонька, голубушка, а не устроишь ли ты нам горяченького чайку? Товарищ Апухтин с мороза. А нам молодые кадры беречь надо.

Апухтин примостился за длинным столом для совещаний. Хозяин кабинета уселся не на свое место, а напротив, тем самым создавая доверительную атмосферу.

Отвечая на дежурные вопросы – как добрался, как настроение и дела в Свердловске, Апухтин внимательно оглядывался и изучал детали. Заместитель начальника управления всем своим видом и манерой обращения вызывал доверие. Судя по всему, человек огромной физи-

ческой силы, он двигался осторожно, будто боясь кого-то ненароком раздавить. Улыбка вполне доброжелательная. Лицо немножко наивное, но взгляд острый и умный. Кабинет – обычный, с кожаным диваном, на котором хозяин наверняка не одну ночь провел, когда не мог добраться домой – работа такая. Но больше всего привлекали внимание книжные шкафы вдоль стены. Там были обязательные труды классиков и практиков – Маркса – Энгельса, Ленина, Сталина. Но еще много посторонней литературы. Это и труды философов, и книги великих дореволюционных писателей – Льва Толстого, Гоголя – и современных вроде Шолохова и тоже Толстого, но Алексея. Похоже, книги здесь были не для антуража, а их действительно читали. Может, повезло, и хозяин кабинета относился к людям не только лихого дела, но и умного слова? Апухтин насмотрелся на когорту грубых и несдержанных начальников правоохранительных ведомств, относящихся к людям только дела, они все норовят рубить шашкой, обо всем широко имеют узкое мнение и не терпят противоречий. С такими работать трудно. А с людьми слова всегда можно сработаться интеллигентному человеку... Ладно, поглядим.

Секретарша принесла поднос. На нем были два стакана с крепким чаем, в серебряных подстаканниках, и тарелка с печеньем.

Отхлебывая горячий ароматный напиток, собеседники перешли наконец к делу. С недавнего времени милиция и уголовный розыск фактически перешли под управление органов ОГПУ. Теперь чекисты отвечали и за правопорядок, а Державин был куратором, у которого в руках все нити в борьбе с уголовной преступностью в Северо-Кавказском крае.

– Места у нас тут всегда зажиточные были и беспокойные, – прихлебывая чай, объяснял Державин. – Со всей Руси сюда лихой люд тянуло. Пересечение многих путей. Транспортные узлы и развязки. Кавказ рядом со всеми его феодальными пережитками. Растущая как на дрожжах промышленность и торговля. Всегда здесь было чем поживиться. А еще тут сложились стойкие воровские традиции, поразившие часть деклассированного населения. Ты, товарищ Апухтин, представить себе не можешь, какой бандитизм тут творился еще лет десять назад. Дошло до того, что специальное постановление правительства было по ситуации в нашей губернии. Ростов-папа.

– И Одесса-мама, – кивнул Апухтин.

– Точно! Значит, владеешь обстановкой! Так эти традиции ведь остаются. Немало еще народа, который застыл в темном прошлом, не желая в будущее.

– Это мы исправим, – усмехнулся Апухтин.

– Конечно. Кого-то пригласим в это будущее. Кого-то затолкаем. А кого-то и оставить придется на обочине, – прищурился недобро Державин, и в его глазах мелькнула та самая хваленая чекистская опасная искорка.

– Это да. – В целом Апухтин с таким подходом был согласен.

– В общем, шальной народец у нас. Убивают и грабят почем зря. Вон, полгода назад бандитскую шайку взяли. Паршивцы сами себя «черными масками» гордо именовали. Нападали на квартиры, дома. И особенно магазины единой потребительской кооперации им приглянулись. Так там только активных «солдат» двадцать три было!

– Да, это размах! – с уважением проговорил Апухтин.

– Ничего, всех взяли как миленьких. Товарищи у нас в органах подобрались боевые. Что на пулю бандитскую, что в рукопашную всегда готовы. Но подхода какого-то системного к делу нет. Ухватки хитрой. Поэтому и попросил я помощи. Вот тебя, товарищ Апухтин, и прислали. Как человека молодого, но уже заслуженного и отмеченного.

Апухтин невольно поморщился. Он терпеть не мог, когда на него возлагали большие надежды. Потому что к ним прилагалась и большая ответственность.

Державин с пониманием посмотрел на него:

– Да не бойся ты. Вместе сдюжим. Где-то ты свежим взглядом что разглядишь. Где-то мы тебе своим опытом поможем. Но эту кровавую баню мы прикроем. – Он хлопнул огромной ладонью по столу так, что стаканы подскочили...

Глава 5

1917 год

Добирался Бекетов до дома долго. Точнее, даже не добирался – не слишком его туда и тянуло, а просто слонялся по русским просторам, дыша грозовым воздухом свободы.

В апреле он прибыл в Петроград, поразивший своими масштабами, красотой и многолюдьем. Там очень удачно пристроился в солдатских казармах, испытывавших на себе все радости самоуправления армейских комитетов.

Столица Российской империи бурлила. В ней сошлись гигантские природные народные силы, от близости к которым Бекетов расправлял плечи и сам будто бы становился значительным.

Петроград был наводнен самым разношерстным и часто сомнительным народом. Туда стекались авантюристы, горлопаны всех мастей. А еще сбежавшие с фронта солдаты. Вернувшиеся из Сибири уголовники, выпущенные Временным правительством и прозванные «птенцами Керенского» по имени министра юстиции, инициировавшего беспрецедентную амнистию как политическим узникам, так и уголовным элементам. И все они неслись в каком-то безумном бесконечном круговороте.

Власти как таковой в столице не было. Улицы были предоставлены толпе, и некому было ввести ее хоть в какие-то берега. Из семи тысяч городских в феврале 1917 года убили половину, их трупами были завалены все каналы. Их попытались заменить народной милицией из бывших гимназистов, рабочих и студентов. Получалось у них с выполнением служебных обязанностей совсем плохо. Так что наводить порядок никто не спешил. Гуляй, рванина, обыватель, прячься.

Временное правительство никто не воспринимал всерьез. Зато повсеместно создавались советы рабочих и солдатских депутатов. Готовился их Всероссийский съезд, и было ощущение, что он-то и будет решать судьбу страны.

Бесконечной чередой в Петрограде следовали митинги, конференции, собрания. Что ни день, то возвращался из ссылки или из-за границы очередной знаменитый революционер, в связи с чем опять массовые сборища и демонстрации.

Словно плотный колпак сплоченной целеустремленности висел над огромными толпами. Бекетов в них будто попадал в единую волну и вместе со всеми что-то горланил, требовал, кому-то грозил. Циничный дезертир, не так давно застреливший своего командира, подавшись общему настроению, ощущал, как по его щекам текут радостные слезы, а из глотки вырываются крики воодушевления и поддержки чему-то там очень важному и просто жизненно необходимому.

«Нет войне!», «Землю крестьянам!», «Фабрики рабочим!», «Вся власть Советам!» Здорово же! И он кричал и радовался. Будто морок какой на него находил. А потом очухивался и сам себя не понимал... До следующего митинга.

Потом дела пошли более горячие. Массовые митинги постепенно переходили в стрельбу. Начиналась серьезная борьба за власть. Текущее положение безвластия не могло продолжаться долго. И, нутром почуяв, что скоро здесь будет много крови, Бекетов рванул из Петрограда, оставив честь положить головы в борьбе за чью-то власть другим.

Потом с солдатскими шайками, где все именовали друг друга «братишкам» и клялись в верности до гроба, он шарил по деревням и селам в средней полосе России. Ветром они шелестели по русским просторам, сметая все, что плохо лежит. Какая-то лихая волна новых времен несла их вперед.

Бекетов вовремя расстался с «братишками», почуяв, что недолго им осталось гулять. И постепенно стал смещаться в своих странствиях на юга. Поближе к своим родным краям – к Воронежской губернии. Там в Гремяченской волости раскинулось его родное село Восьмидесятное – с множеством крестьянских дворов, красивой каменной Архангельской церковью, земской школой и тремя винными лавками.

Вошел он в свой изрядно покосившийся за последние годы дом через десять дней после Октябрьской революции. И через две недели после того, как от чахотки умерла его жена. И если первое обстоятельство его взволновало, то смерть жены оставила совершенно равнодушным.

В селе у Бекетова издавна была репутация непутёвого бездельника. И, чтобы не остаться бобылем, что у крестьян считается свидетельством полной никчемности, пришлось жениться на незавидной невесте. Пелагея была худа, слаба, домашняя работа ее утомляла. Детей она дать мужу не смогла. Так и жили почти полтора десятка лет – с трудом терпели друг друга. И теперь беглого солдата переход в ранг вдовца нисколько не смутил.

Гораздо больше не понравилось ему, что вещей в доставшемся ему от родителей доме стало куда меньше. Похоже, после смерти жены «добрые люди» принялись тащить отсюда все, что не приколочено к полу гвоздями. И это вызвало у него холодную ярость. Никогда он раньше не отдавал своего. Нечего и начинать.

Его неожиданное появление вызвало в селе фурор. Вернулся он в офицерской шинели и с Георгиевским крестом на груди. Соседи уважительно перешептывались – цену таким наградам в казачьих краях знали хорошо. Получается, жил Гордейка Бекетов бесполезной скотиной всю свою сознательную жизнь, а на войне вон как себя показал, героем стал. Бывает такое. Редко, но бывает... Эх, если бы знали селяне, что этот орден Святого Георгия он украл в Петрограде у подвыпившего кавалериста.

На могилу к жене он так и не удосужился сходить. Зачем? Что он ей скажет у могилы такого, что не сказал при жизни? Ни к чему это. Да и лень. И не до того.

Погода была гадкая. Зарядили унылые осенние дожди. Казалось, природа горько плачет и не может остановить поток своих слез. И какая-то слякотная апатия была на душе у Бекетова. И тревожило его понимание того, что необходимо определяться, как жить дальше. Нужно именно сейчас дать направление движения на годы вперед. Возраст у него солидный, так и до старости недалеко. А ни желаний, ни мыслей по поводу собственного будущего у него не имелось.

Через пару дней проснулся он утром от шума во дворе. Кто-то с криканьем и матюгами перекапывал его огород.

Осторожно выглянув в окно, Бекетов увидел, что это Порфирий – младший брат его жены, бесполезный, непутевый, вечно пьяный. Но, в отличие от жены, в нем кипела буйная и бестолковая жизненная сила.

– Порфирий, ты чего творишь? – накинув шинель и выскочив из дома, завопил Бекетов.

Долговязый, с длинными, как у гориллы, руками, Порфирий мутным пьяным взглядом окинул своего родственника:

– Ух ты. Вернулся, заячий потрох! Не убил тебя германец!

– Тебе чего в моем огороде надобно? – осведомился Бекетов.

– Не твое это дело! – Порфирий опять начал копать.

– Это мой дом, пень ты королюбий!

– Пелагеи это дом. Она, баляба сопливая, тут деньжищи закопала! Мои!

– Чего? – изумился Бекетов.

Из последующих матюгов и объяснений своего шурина он понял, что в его пропитые мозги втемяшилось, будто сестре муж деньги с фронта слал, а она их в золотые червонцы переводила да закапывала. Как он до такой чепухи додумался – одному богу известно. Зато Бекетову сразу стало ясно, куда подевалась часть вещей из дома.

– Ты мое имущество украл! – заорал Бекетов. – Будет на тебя управа!

– Это на тебя управа будет. Ишь, вырядился, павлина ощипанная! – Покачиваясь и неожиданно потеряв интерес и к разговору, и к земляным работам, Порфирий двинулся прочь.

Пришел он на следующий день с требованием что-то ему отдать, припоминал какие-то несуществующие долги. Потом приходил еще. Грозился. Требовал деньги. Приданое сестры. Обещал прибить Бекетова за то, что тот Пелагеюшку, кровинушку родную, со света сжил. И теперь родственник по гроб жизни наливать ему горькую должен.

Сельский люд только смеялся, глядя на эти вечные балаганные представления. Да еще подначивали дурака – мол, копай, Порфирий, глубже, ищи золото с «керенками».

Однажды Порфирий появился в гости, когда уже стемнело. Ногой распахнул дверь так, что едва не сорвал с петель. И застыл в проходе, покачиваясь. Взгляд его был ословелый и какой-то бешеный.

– Отдай все, что у моей семьи забрал! – заревел он, опершись о стену в сенях и озверело глядя на хозяина дома.

– Иди, проспись, ерохвост блудливый! – бросил раздраженно Бекетов.

Порфирий крикнул и набросился на него. Прижал к стене, принялся душить своими длинными сильными пальцами.

Вырваться из его хватки не было никакой возможности. И сознание Бекетова начало уплывать. А рука невольно нашарила топор, прислоненный к стене.

Извернувшись, Бекетов нанес удар по ноге шурина. Что-то хрустнуло под лезвием. Порфирий отшатнулся. Прислонился к стене. И как-то жалобно крикнул. Глаза наполнились болью.

– Ты... ты чего? – прохрипел он, присаживаясь на колено и поскуливая.

– Да вот так! – Бекетов размахнулся. Крикнул. И ударил обухом шурина по голове.

Тот, как ни странно, не рухнул как покошенный, не потерял сознания. Только присел поглубже, будто вдавившись в доски пола.

Тогда Бекетов размахнулся шире. Следующий удар вышиб из шурина дух... А потом еще один удар. И еще. В груди Бекетова кипела злость, и она жаждала, чтобы ее выместили в полной мере.

Прислонившись к стене и уронив топор, Бекетов прикрыл глаза. Перевел дыхание. Потом с гадливостью посмотрел на нечто кровавое и бесформенное, что еще недавно было Порфирием. И ощутил удовлетворение и прилив ликования. Изувеченная человеческая плоть его не пугала. Много чего насмотрелся на войне. У этого хоть руки-ноги на месте. А вот избавить землю от негодяя Порфирия – это было здорово и как-то сладко.

Потом он присел на пол, в стороне от растекавшейся лужи крови. И сильно призадумался над тем, что делать дальше. Так и просидел с четверть часа.

Потом, кряхтя, поднялся. И поволок убитого шурина по полу. Тело было тяжелое, все время за что-то цеплялось. А физической силой Бекетов никогда не мог похвастаться.

Но все же дело он свое сделал. Бросил убитого в погреб. Дошел до своей кровати. И рухнул на нее.

Как ни странно, он сразу заснул. Провалился в какой-то темный, без сновидений, сон. И проснулся поздним утром. Разом вспомнил все, что вчера произошло. А также вспомнил и о своем плане.

Он натащил воды из колодца и попробовал замыть кровь. Но натекло ее много, затиралась она плохо. Поэтому он просто забросал ее всяким тряпьем. Потом собрал вещи в тюки. И как ни в чем не бывало отправился к соседу, проживавшему через улицу. У того была телега с лошастью, и он подрабатывал извозом.

Сосед был дома. Они быстро договорились о цене и подогнали телегу к дому. Перетащили в нее наиболее ценные вещи. И отправились в ближайший городишко.

Там у Бекетова еще со старых времен был знакомый скупщик-еврей. Он и взял все добро скопом, конечно, надув изрядно. Но куда еврею без этого.

Поздним вечером, вернувшись в свой дом, Бекетов посидел задумчиво за столом, освещенным слабым светом коптилки-масленки. Когда, наконец, отвлекся от тягостных раздумий-воспоминаний, за окнами уже была непроглядная ночь.

Он поднялся из-за стола. Собрал в котомку личные вещи. Надел офицерскую шинель. Да и запалил дом.

Уходил он в ночь, а за его спиной пылал пожар. И никаких тяжелых чувств по этому поводу Бекетов не испытал, хотя в доме прожило не одно поколение его семьи. Порвал он эту связь легко, как истлевшую от времени гнилую ткань.

Теперь назад ему пути не было. Пристроился он временно в деревне Свиридово в соседней волости. Там в покосившемся бревенчатом доме жил бобылем его дальний и вечно пьяный непутевый родственник Борис, согласившийся принять гостя на постой за харчи и самогон.

Покинув родное село, Бекетов будто сбросил пудовую гирию. Ему стало легко и свободно. И он для себя все решил.

В своем сожженном доме он видел некий символ. Горел ведь не только его дом. Горела вся страна. И в таких условиях ковыряться в земле или работать на спичечной фабрике просто грех. Нужно прибиться к тем, кто решает и распределяет. Кто делит и отнимает. У кого есть ружье.

Нет, только не на войну. Ружье ведь пригодится и на мирных пажитях, чтоб пасти «овец», почему-то считающих себя людьми. Главное, чтобы это ружье тебе выдали по праву.

А для этого надо подаваться в Воронеж, благо, дотуда всего-то чуть больше пятидесяти верст. Бекетов уже давно понял, что настоящая жизнь проходит в больших городах...

Глава 6

1932 год

– Вот, подкрепление к нам прибыло, – сказал заместитель начальника ОГПУ Державин, пригласивший для ритуала знакомства в свой кабинет непосредственных руководителей нового сотрудника. – Прошу любить и жаловать. Исай Лазаревич Апухтин. Большой искусник по убийствам.

– По раскрытию, – не сдержался Апухтин, которого все, кому не лень, именовали специалистом именно по убийствам. – Извините.

Он поднялся из-за стола, давая рассмотреть себя во всей красе.

– Ну да. По убийствам у нас другие специалисты, – как-то многозначительно произнес Державин, бросив выразительный взгляд на одного из своих подчиненных.

Апухтин кратко изложил свою не слишком обширную и далеко не героическую биографию, которая собравшихся сильно не впечатлила. Ответил на несколько дежурных вопросов.

Слова Державина о том, что Апухтин в Управлении РКМ хотя и числится простым оперуполномоченным оперативного отдела, но все же на особом положении и напрямую подчиняется ему, конечно, непосредственных начальников должны были сильно задеть. Но эти два человека отнеслись к сему обстоятельству на удивление спокойно. Вообще, Апухтин видел, что здесь царит достаточно деловая обстановка и строгая дисциплина. Это когда на руководящие указания отвечают: «надо, значит, надо», а не «может, не надо» или «на черта это надо».

На этом совещании к Апухтину присматривались. Присматривался и он.

Вон что-то отмечает в блокноте карандашом начальник Управления рабоче-крестьянской милиции Якунин. Он, похоже, из старых кадровых офицеров – возраст под пятьдесят, подтянутый, суховато-вежливый, невозмутимый, с горделивой военной осанкой. Наверняка службист и педант, что для его должности нормально.

А начальника угрозыска Василия Васильева, насупившегося и скрестившего руки на груди, вообще можно было бы принять за выдавшего виды матерого уголовника. На лбу глубокая морщина, железная фикса во рту, насмешливый прищуренный взгляд, манера цедить слова, хищные движения, кривая ухмылка, ну и лексикон, щедро пересыпанный жаргоном и специфическими розыскными словечками. Но Апухтина это не удивляло. Он к таким персонажам давно уже привык.

В уголовный розыск часто набирали людей ушлых, прожженных. А иногда бывших уголовных, деятельно раскаявшихся и выражающих стремление побороть гидру преступности. Таким пути назад уже не было – на той стороне перебежчика быстро на ножи поставят. Так что рвали они своих бывших собратьев яростно и бескомпромиссно.

Ну что ж. У матерых розыскников своя философия и своя правда. Они существовали в вечном состоянии борьбы не на жизнь, а на смерть. Если прокурорских с их бумагами и кодексами можно приравнять к таким вальяжным породистым псам правосудия, то сотрудники угрозыска больше походили на стайных волков, в любой момент готовых вцепиться в глотку врагу в кровавой сваре, прямо идущих на цель и готовых пожертвовать для общего дела всем. Они и пугали, но и восхищали Апухтина. Вот и начальник краевого угрозыска был из такой породы.

По окончании совещания Апухтина сдали с рук на руки Васильеву. И прямо в коридоре тот сразу расставил все точки и запятые.

– Запомни, Прокурор. Ревности и обид на залетных умников и на то, что нам, местным, якобы не доверяют, у меня нет. Главное у нас – это дело. Чтобы наша земля невинной кровью не

заливалась. Сделаешь дело – будем тебя на руках носить. Не сделаешь – ну что ж, у прокуроров такое случается.

– Так же, как и у оперативников, – огрызнулся Апухтин.

Васильев не обиделся, а лишь добродушно усмехнулся и хлопнул его по плечу:

– Это точно. В калошу мы тоже садиться умеем... А теперь пошли, аналитик...

Начальник угрозыска провел нового подчиненного в крошечную комнату в подвале. Там стоял огромный железный и очень корявый на вид сейф. Просторный стол был завален бумагами. В углу на подставке возвышался бюст Ленина, неизвестно зачем залетевший сюда. Запах был пыльно-бумажный, так что Апухтин расчихался.

– Вот твоя каморка, – обвел рукой начальник угрозыска помещение, и правда походившее на каморку папы Карло. – Вот твои материалы. Разберешься. Потом решишь, что к производству принять. Эх, мне бы так...

Он вытащил из кармана кожаной куртки и бросил со стуком на стол ключи от сейфа и от кабинета, а также печать.

– Работай. Текущие вопросы, направление запросов и ориентировок – все через меня или моего заместителя. По обустройству и снабжению – это к тыловику, он мужик отзывчивый.

Потом он внимательно посмотрел на Апухтина и неожиданно произнес:

– С Кречетовым на днях по телефону разговаривал. Старый мой друг, развела только нас судьба.

– И что Кречетов? – напряженно спросил Апухтин. Оказывается, Васильев знаком с начальником Свердловского угрозыска.

– Сказал, что ты как кабан лесной носом землю роешь. И никогда не отступаешь. В общем, наш человек. Думаю, сработаемся.

– Носом землю, – усмехнулся Апухтин. – Это завсегда. Знать бы только, где желуди искать.

– Найдем, – заверил Васильев.

Когда дверь за ним закрылась, Апухтин уселся на стул, накинув на плечи пальто – в кабинете было довольно прохладно. Просидел минут десять, погрузившись в свои не слишком веселые, придавленные, как пресс-папье, грузом ответственности мысли.

А потом отодвинул усилием воли прочь все сомнения. Вытащил из своего шикарного портфеля темно-синие нарукавники – это такие матерчатые чехлы, которые надеваешь поверх рукавов, чтобы локти не вытирались. Он всегда их таскал с собой, иначе костюма надолго не хватит. Нацепил их. И раскрыл первую папку...

Глава 7

1917–1918 годы

До Воронежа Бекетов добрался в декабре 1917 года. Там наблюдалось уже знакомое ему революционное бурление. События происходили судьбоносные. В соответствии с решением ВЦИК устанавливался рабочий контроль над банками, торговлей, промышленностью и железными дорогами. Создавались рабочие отряды для его осуществления, а также для организации нормальной жизни и общего хозяйствования. И, главное, для обеспечения населения продовольствием, которого стало катастрофически не хватать.

Бекетов тут же попытался ринуться со всей своей нерастроченной дурной энергией и пронырливостью в этот кипящий котел. Он отчаянно толкался локтями в Советах, хватал за рукав комиссаров, долдоня, что он в окопах за большевиков пропагандировал, в царских тюрьмах за это сидел, а потом в самом Петрограде революцию делал.

Был у него с детства полезный для него талант – говорить и врать крайне убедительно и искренне. Умел он заболтать собеседника и вызвать доверие. В итоге его едва не записали красным командиром. Как раз в это время атаман Каледин объявил, что не признает советскую власть, а весь Дон отныне под Войсковым правительством, а это на деле означало его жесткую личную диктатуру. Вот и постановил исполком Воронежского совета создать специальный отряд Красной гвардии для борьбы с самозванцем. И теперь на это дело набирали добровольцев, готовых героически сложить голову за рабочее дело.

Голову Бекетов ни за кого класть не собирался. И от такой чести ему удалось отбояриться, хотя и с большим трудом. Сослался на военные раны, почтенный возраст, на то, что окопов больше не выдержит и на брань идти не способен – здоровье не позволит. А потом хитростью, ужимками и болтовней все же пристроился на местечко, которое сулило хорошие перспективы.

Вопрос обеспечения страны продовольствием остро встал еще в самый разгар Первой мировой войны. Крестьяне в предчувствии наступающей военной разрухи прятали зерно, и первые продовольственные отряды по его изъятию появились еще при царе Николае. После революции зерно стали прятать больше, а вырастили его намного меньше с учетом того, сколько крестьян ушло на войну. Многие земельные наделы просто некому было обрабатывать.

В стране разгоралась междоусобица, переходящая в Гражданскую войну. Городу и армии как воздух нужны были продукты. Ведь если их нет, тогда будут хаос и голодные бунты в городах. Вытряси же у селян зерно – вспыхнут крестьянские бунты, запылают деревни и села. Но с крестьянами справиться легче. Судьба страны сейчас решалась в городах и на полях сражений. Потому новой властью были приняты суровые, но необходимые решения: о продразверстке, когда у крестьян забирали семьдесят процентов урожая, и о продотрядах, которые и должны были эти проценты отыскать и вывезти.

В продотряд Бекетов не шибко стремился. Знал, на что способны селяне, в случае если начнут потрошить их закрома. Там и голову сложить недолго. Но тут в продовольственной сфере образовалась синекюра – заградительные отряды. Они действовали на железнодорожных станциях и в поездах. Их бойцы проверяли багаж, обыскивали пассажиров и забирали у них еду сверх положенной нормы провоза.

Туда и устремился Бекетов всем своим существом. Пробился в бурлящий народом продовольственный областной подотдел. Наплел его сотрудникам с три короба о своей исключительной преданности революции и делу борьбы с голодом. Товарищи оказались отзывчивые, похлопали его по плечу, пообещали помочь и пригласили заглянуть на следующий день к самому комиссару подотдела.

Затянутый в кожаную куртку комиссар, даром что сам сидел на продовольствии, был худ, изможден, со впалыми щеками и страшно уставший. Он цепко и с сомнением посмотрел на кандидата в бойцы заградотряда. И будто кувалдой долбанул:

– Говорят, кого-то убил ты в своем селе.

Бекетов pokrылся холодным потом. Откуда они узнали? Значит, проверяли его, поэтому тогда и велели зайти на следующий день. Не поленились найти его земляков и расспросить подробно. То есть дело у них серьезно поставлено. И что теперь будет? Может, арестуют да и шлепнут со всей легкостью и простотой революционного правосудия?

– Было дело, – кивнул Бекетов мгновенно севшим голосом, и тут на него нашло вдохновение. – Кулацкий прихвостень это был. Набросился на меня за то, что я за советскую власть агитировал. Он народ смущал, чтобы тот большевикам не подчинялся и хлеб прятал! Отребье! Пережиток старых времен!

– Ну да, ну да, – произнес комиссар с сомнением в голосе.

Во взгляде его появились одновременно и понимание, и какая-то брезгливость. Похоже, он не поверил ни единому слову кандидата в заградотрядовцы. Но, задумавшись и побарабанив пальцами по столешнице, махнул рукой. Пододвинул к себе чернильницу и перо. Черкнул на листочке несколько слов и протянул Бекетову бумагу:

– Вот тебе направление. И пулей к товарищу Артему. Пускай он оценит, какой ты борец за революцию. И запомни, революция – она каждому шанс дает возвыситься или упасть. Но и карает нещадно. Понял?

– Понял, ва... – Бекетов прикусил язык вовремя, едва не выдав «ваше благородие», но тут же поправился: – Товарищ комиссар.

Уже через час он был в трехэтажном массивном здании бывшей гимназии и протягивал бумагу статному, плечистому и весьма суровому на вид товарищу Артему, затянутому в уже ставшую чем-то вроде комиссарской формы кожаную куртку. Такие куртки раздавали ответственным советским работникам с военных складов – то была с запасом пошитая форма для царских военных авиаторов.

Ознакомившись с направлением, товарищ Артем болтать о революции и почетном долге не стал. Только пояснил, что работа опасная, но важная. Определил Бекетова в звено численностью в десять человек. Так началась для того служба в заградотряде.

На военизированное подразделение внешне это сборище походило мало. Одеты бойцы были кто во что горазд. И в военные шинели, бушлаты. И в зипуны. Кто в сапогах, кто в обмотках, кто в треухах, кто в меховой шапке-пирожок, которую содрали на улице с головы буржуя. Но у всех была красная повязка на рукаве. А в кармане отпечатанный на машинке и заверенный подписями-печатами мандат, где были расписаны многочисленные права, данные революцией подателю бумаги. И, что по нынешним временам куда важнее, у кого на плече винтовка, а у кого револьвер в кармане. А это довод поважнее мандата.

У отряда был грузовик «Бенц». Но в основном передвигались по железной дороге. Та, несмотря на все невзгоды в стране и начинающуюся разруху, работала с нарастающим напряжением.

Действовали бойцы отряда на вокзалах и многочисленных станциях, раскинувшихся на сотни километров по железной дороге, а также сопровождали поезда. И трясли всех нещадно на продовольствие.

Работенка оказалась не такая уж простая и безопасная. На железных дорогах творился сущий бедлам, переходящий местами в настоящий ад. Огромные массы народа находились в неустанном движении. Люди ехали на войну или бежали от войны и голода. Пыхтящие из последних сил измученные паровозы со скрипучими деревянными вагонами не справлялись с наплывом пассажиров, так что многие люди ехали на крышах, срывались, гибли, на их место

тут же лезли другие. Бежать, успеть, не останавливаться – это будто стало девизом обывателя новых времен.

С самого дна общества поднялась и закружилась вся человеческая накипь. Сновали по вокзалам и станциям спекулянты, вору и разбойники. Откуда-то появилось огромное количество вечно пьяных и нарывающихся на скандал хулиганов, многие из которых были в солдатских шинелях. Все чаще вспыхивали по поводу и без повода скандалы, переходящие в грабеж и поножовщину. С насилием и бандитизмом не справлялись ни новая милиция, ни рабочие отряды.

Бекетова пока бог миловал от серьезных ситуаций. Но не всем так фартило. Вскоре двоих его сослуживцев застрелили в поезде какие-то архаровцы. Еще одного убили ударом ножа в спину, когда он возвращался в казарму в Воронеже.

По поводу этих потерь провели на плацу, с трибуной и оркестром, помпезный митинг. Звучали громкие речи: «Погибли боевые товарищи за счастье трудового народа и освобождение от векового рабства. Всегда будем помнить!» Оркестр вдарил «Интернационал». Только Бекетов знал, что те, кто погиб, всего этого великолепия не видели и не слышали. Им было все равно. И сам он после этого скорбного зрелища пребывал в растерянности, прикидывая, а туда ли он полез и не попал ли из огня да в полымя?

Но жизнь продолжалась. На место павших пришли новые бойцы. В одном из них Бекетов с удивлением признал бывшего прапорщика из своей роты. Это был Лев Кугель. И выглядел он каким-то потрепанным, исхудавшим и страшно злым.

Сослуживца по стрелковой роте Кугель тоже узнал сразу. На плацу подошел к нему развязной походкой. Осмотревшись мельком, нет ли кого поблизости с развесистыми ушами, взял бывшего подчиненного за локоть. И ехидно произнес:

– А, убийца. Ну, здравствуй.

Бекетов отступил от него на шаг, пытаясь сообразить, что же этому черту надо и что теперь делать.

– Да не колготись ты! И не жги пламенным взором, – широко улыбнулся прапорщик, но его глаза были злыми. – За дело ты того золотопогонника свалил. Так сказать, внес свою лепту в классовую борьбу.

– Но...

– Между нами останется, – заговорщически подмигнул Кугель. – Если вести себя разумно будешь. Будешь ведь?

– Ну, так когда оно по-другому было? Мы с понятиями.

Так получилось, что с Кугелем они и работать стали на пару. И дела жирные обтяпывать вместе.

Как потом Бекетов уяснил, у бывшего прапорщика что-то не заладилось с новой властью. Он с гимназических времен ушел в революционную деятельность и, как вся пылкая, но глупая молодежь, связался с левыми эсерами и даже участвовал в одной из боевок. А левые эсеры ныне не в чести, проиграли свое влияние и на Советы, и на крестьянство. Да еще Кугель недавно рассорился со своими соратниками, так что получил от них пулю в спину и еле выжил. Вот и находился теперь он в самом низу, и доверия к нему не было ни с какой стороны. Готов он был перекинуться к новым властям, лизать сапоги большевикам, но те по старым делам его не слишком приветствовали и хотя не наказали, но объяснили, чтобы на многое не рассчитывал. В итоге прибился он к заградительному отряду, что воспринимал крайне болезненно, но вместе с тем и практично. Он тоже прекрасно понимал, что значит при надвигающемся голоде быть поближе к провизии.

– Сияющие высоты нам при большевиках не светят, – сказал он как-то Бекетову, когда они брели по станции Поворино, приглядываясь к кипящей непотребным варевом толпе и

выис-кивая в ней объекты для раскулачивания. – Так что будем сами брать свое. Ты согласен с такой простой и ясной постановкой вопроса, товарищ Гордей?

Это прозвучало заманчиво, но и с определенной угрозой. Однако Бекетов был только рад такому разговору. Он и сам был не прочь его завести, но не знал, как ловчее подступиться.

– Согласные мы, – с готовностью закивал он. – Сам о себе не позаботишься, так никто и не вспомнит...

Между тем чрезвычайное положение на железных дорогах привело к чрезвычайным мерам. В соответствии с Декретом «Социалистическое отечество в опасности!», принятым Совнаркомом 21 февраля 1918 года, на железной дороге предусматривался расстрел на месте неприятельских агентов, спекулянтов, громил, хулиганов, контрреволюционных агитаторов. Так что прав у бойцов заградотряда резко прибавилось. И теперь они могли нагонять жуткий страх. Ведь попасть под революционное правосудие с такими мерами наказания не хотелось никому.

Вместе с новыми правами, полномочиями открылся и завораживающий глаз простор для махинаций. Даже стараться и крутиться особо не приходилось. Просто Кугель с Бекетовым теперь приходовали далеко не все отобранное у пассажиров продовольствие. Это было не трудно – как за ними уследишь. Особенно если к делу с умом подойти. Излишки продавали через знакомых скупщиков на разных станциях.

Была эта парочка у начальства на хорошем счету. Трудилась ударно. Пользу общему делу приносила. Воодушевленный Бекетов даже подал ходатайство о вступлении в ВКП(б), что было благосклонно принято комиссаром отряда товарищем Артемом.

– Если и дальше не сбавишь напор, то летом рассмотрим вопрос, – обнадежил он.

Бекетов уже четко понимал, что партия большевиков – это хорошо. Это та самая перспектива, которой он жаждал, та самая ниша, где намеревался устроиться максимально комфортно.

В общем, жизнь шла со сложностями, в нарастающем хаосе, но в целом, индивидуально для солдата и вместе с ним прапорщика Первой мировой, относительно нормально. Потом, весной 1918 года, подвернулись им под горячую руку те самые «дворянчики».

Заградотрядовцы их сразу вычислили в разношерстной плотной толпе, набившейся в поезд на станции Лиски. Одеты те были простонародно – один, которому было на вид лет сорок, в железнодорожном бушлате, другой, юноша лет двадцати, в черном и сильно изношенном тулупе. Смотрели не вокруг, а в пол, лишь изредка опасливо и остро зыряка глазами по сторонам. В разговоры ни с кем не вступали. Но скрыть от опытного глаза свою барскую суть и стать не смогли. Слишком они были гладкие. Носы так презрительно морщили от засилья простонародья вокруг и терзающих изнеженный нюх ароматов. Еще в них было какое-то глубоко скрытое, но все еще живое, болезненное собственное достоинство. Его Бекетов как носом чувял – оно у всех золотопогонников присутствовало и страшно его злило как нечто донельзя противоестественное.

– «Дворянчики», – прошептал Бекетов, осторожно указывая на подозрительные личности. – А не к Каледину ли они тикают?

– Вполне допускаю такое, – оглядев их, согласился Кугель, нехорошо прищуриваясь.

– Ну, так проверить вражин следует.

– Проверим.

И проверили. Протолкались к ним сквозь плотную толпу. Представились чин-чинарем, как учили – боец рабочего отряда должен быть вежлив, но непреклонен. Господа начали юлить – что едут к родственникам, устраиваться на работу. Что на самом деле они по мелкой торговле и ремеслу, а не какие-то дворяне и прочие эксплуататоры. Но их не слушали.

– ЧК с тобой разберется, по какой ты торговле. – Кугель ткнул старшему «дворянчику» револьвером в бок.

– Слезай с вагона, барин. Поездке твоей край, – добавил Бекетов.

Уже светало, когда они высадились на пустой остановке, где даже не было платформы, но зачем-то раз за разом на полминуты останавливался поезд. Здесь почти никто и никогда не сходил. Вокруг простирались степь, перелески да болота. Справа темнела убогая деревенька, темные окна не светились. Спит еще народ.

Бекетов сноровисто проверил содержимое мешков, раскладывая его аккуратно на земле. Там были продукты, какая-то бытовая мелочь вроде опасной бритвы. Ничего особенно ценного и интересного.

Зато когда Кугель начал обшаривать самих «дворянчиков», тут и последовали неожиданные и приятные сюрпризы. У старшего вокруг его объемного живота был обернут матерчатый пояс. Внутри его вшиты драгоценные побрякушки и золотые часы.

– Понятно. Запасец на черный день, чтоб к атаманам не пустыми прибыть. Чтобы в шампанском купаться, – хмыкнул Кугель, который не расслаблялся ни на секунду и держал пленных на мушке, готовый в любой момент нажать на спусковой крючок. – Ох, господа офицеры. Это не драгоценные камешки. Это кровь трудового народа, которую вы пили.

Он взвесил протянутый ему товарищем пояс, не слушая оправдательного лепетания путников о фамильных драгоценностях, о том, что они нужны, дабы не помереть с голоду. Пропустил мимо ушей он и просьбы отпустить. Переглянулся с Бекетовым. Тот пожал плечами, а потом кивнул. Сослуживцы поняли друг друга без слов.

– Вперед! – Кугель толкнул старшего в спину.

– Куда вы нас ведете? – начал было возмущаться тот.

– К знающим товарищам из чрезвычайной комиссии, – пояснил Кугель. – Там через лесок как раз пост будет. Уверяю, господа, вам там обрадуются, как потерянным и вновь обретенным родственникам.

Бекетов завистливо вздохнул. Все ж таки умеет прапорщик выражаться красиво и витиевато. Это дворянская кровь и воспитание с гимназиями влияют. Такое простому человеку не постичь, хоть в лепешку разбейся.

Дорога была размякшая. Сапоги вязли в грязи. Видно было плохо – солнце еще не вышло из-за горизонта. Но вся процессия упорно двигалась вперед.

– Может, договоримся как разумные люди? – хрипло просипел старший «дворянчик». – Забирайте наши вещи. И разойдемся. Только отпустите.

– Это ты меня, бойца революции, купить норовишь? – возмутился Кугель. – Контра ты недобитая!

По дороге младший «дворянчик» напрягся, будто приготовился к рывку и побегу. Отлично уловивший этот порыв Бекетов саданул его с размаху прикладом в спину, едва не сбив с ног:

– Не шуткуй, барин!

Потом Бекетов немножко приотстал. Взгляд его упал на предмет, лежащий у обочины, который подвернулся как нельзя кстати. Это был увесистый, на пару килограммов, камень.

Он вытащил из-за пазухи маленький холщовый мешок, который всегда таскал с собой для разных надобностей – может, чего отсыпать придется по ходу работы. Положил в него камень. Конец мешка скрутил жгутом, так чтобы тот был по длине достаточным для размаха. Получилось весьма эффективное оружие, такой молот на веревочке. Главное, хорошо размахнуться и ударить точно, как учили.

Места эти Бекетов знал неплохо и указывал, куда идти. По тропинке они вышли к небольшому болотцу.

– Здесь их сделаем, – прошептал Бекетов своему напарнику, продолжавшему держать пленных под прицелом револьвера, и командным голосом прикрикнул: – Вперед идти! Не оборачиваться!

Потом нагнал сзади старшего «дворянчика» и шарахнул своим самодельным ударным оружием по голове. Тот рухнул как подкошенный.

Молодой обернулся и застыл как соляной столб, изумленно глядя на расправу. Тут и ему прилетел камень в лоб. «Дворянчик» упал на колени. И Бекетов его добил сверху. Перевел дыхание.

Удачно получилось. И стрелять не пришлось, рискуя переполошить округу. Но если бы за спиной не было Кугеля с револьвером, бывший солдат на такое бы не решился. Пойди что не так, и эти двое разорвали бы его на клочки.

А потом Бекетов методично, для надежности, начал охаживать камнем обоих, так что только треск стоял. При этом ощущал уже давно испытанное чувство – какая-то волна ликования. Когда трескали чужие черепа и уходила чужая жизнь, он будто стакан водки опрокидывал. Вот и сейчас такое доброе и приятное опьянение нашло. И хотелось переживать это сказочное состояние вновь и вновь.

Заградотрядовцы оттащили тела в сторону от проселочной дороги и бросили в трясины. Может, те и всплывут когда-то в будущем. Возможно, их обнаружат даже скоро. Но это уже не важно. Мало ли тел убиенных людей плавают и лежит по Руси.

- Интересная вещь, – кивнул Кугель на завернутый в холстину камень.
- «Микстурой» называется, – пояснил Бекетов.
- А ведь и правда, – засмеялся эсер. – Головную боль снимает. Намертво...

Глава 8

1932 год

Апухтину выделили жилье в трехэтажном шумном и многолюдном общежитии совработников. В этом многоквартирном доме когда-то жили вполне состоятельные люди. Потом пришли революция, национализация, уплотнение. И вот залы с гостиными разделили на клетушки, куда набился разный советский чиновничий люд.

До краевого управления милиции на Красноармейской улице было рукой подать – минут пятнадцать неспешной прогулки по снегу, мимо старинных купеческих домиков, пионерского сквера и массивной ростовской соборной мечети с невысоким минаретом.

Обустроился Апухтин на третьем этаже общежития. Притом в полном одиночестве. Изначально он рассчитывал в лучшем случае на койку в комнате с соседями. Но, оказывается, не положено. Все же оперативный сотрудник краевой милиции, да еще секретоноходец.

Комната была крошечная, а потолок такой высокий, что казалось, будто ты живешь в колоде. В центре затейливой лепнины красовалась розетка в виде ромашки. Но вместо люстры из нее тянулся провод с патроном, в который была ввинчена слабосильная желтая лампочка, дарившая не свет, а полутьму.

Несмотря на достоинства одиночного проживания, все же в комнате было как-то скупое и неудобно. Из мебели – узкая кровать, скрипучий расшатанный письменный стол и такой же стул. И каждый предмет был помечен черной, как смоль, печатью: «Хозобеспечение ОГПУ».

А еще здесь было холодно, как сперва в служебном кабинете. Комнатная кафельная печь «голландка» едва давала тепло, приходилось постоянно подбрасывать выданные комендантом дрова. Или лежать, закутавшись в два серых солдатских одеяла и еще прикрывшись сверху пальто.

Но хуже было ощущение одиночества вдаль от жены, по которой он страшно скучал. Но все это так, сопутствующие эмоции. Быт – он и есть быт, а главное – работа. Перешагнув порог управления, он с головой погружался в нее, забывая обо всем.

В уголовном розыске царил вечный круговорот дел и делишек. То, в рамках оказания практической помощи городскому розыску, оперативники притащат карманника с Нового базара и балагурят с ним, зацепившись языками. То разводят квартирного вора, которого только что загребли с притона на Богатынской и теперь пытаются заболтать, усыпить бдительность и вытащить из него эпизоды краж. То с толком и смыслом мутузят насильника и разбойника, выбивая из него сведения о месте, где он зарыл награбленное. Такая вечная и нескончаемая круговерть.

Заезжую штучку розыскники приняли доброжелательно, но больше снисходительно, чем всерьез. Успокаивали даже, что все равно никто от него многого не ждет и чтобы сильно не переживал по поводу своих неудач. А что он ничего нового не найдет – в этом были уверены все. Ведь сотрудники розыска как пять пальцев знали всю территорию и блатной мир, не в пример какому-то умнику с Урала. Да и вообще всякие аналитические умствования – это баловство. Главное в розыске – бежать и хватать.

На Апухтина вскоре перестали особо обращать внимание. Он становился некой привычной достопримечательностью. Таким архивариусом или, скорее, алхимиком, ищущим в своем подвале-лаборатории философский камень.

Но он привык к такому отношению. Его никогда не воспринимали сразу всерьез. Худенький, не слишком языкастый и энергичный, скромный, он не лез никогда на глаза, не доказывал свою нужность. Он просто тихо и незаметно работал. А потом выяснялось, что он выполнил

все, что обещал, и даже больше. И тогда с уважением говорили: «А парень не промах. С ним работать можно».

Вот и сейчас он просто работал. Кабинет стал его настоящим жилищем. Там он проводил основную часть суток. Обжился. Освоился. Хозяйственники, которым он пожаловался на холод, направили рабочих. Те что-то поколдовали с отоплением, и температура стала вполне сносная. Так что Апухтин мог не отвлекаться на то, чтобы выбивать от холода чечетку зубами.

Материалов для изучения была такая кipa, которую, казалось, проработать нет никакой возможности. Но работа его никогда не страшила. Особенно с бумагами и информацией. Он это дело любил, знал и, в отличие от своих коллег, понимал, что часто на кончике пера можно выявить то, что не выведешь никаким топтанием территории и засадами.

Он листал пухлые папки, чихая от бумажной пыли. Впитывал в себя наполненную грозным напряжением суть сухих официальных документов. За ними стояли трагедии, кровь и разбойничья вольница, которой никак не удавалось дать укорот.

Масштабы кровопускания в Северо-Кавказском регионе были внушительны. Здесь царил настоящий бандитский разгул. Люди с энтузиазмом резали друг друга, стреляли, рубили топорами. Дня не проходило, чтобы не находили в городах, станицах, лесополосах, степи и около полотна железной дороги новые криминальные трупы. На фоне такой бандитской вольницы все его бывшие свердловские проблемы казались Апухтину мизерными, а уральский народ на редкость правопослушным и мягким по характеру.

Если бытовые преступления раскрывались легко, то корыстные, связанные с разбоями и сведением счетов в преступном мире, давались куда хуже. Кое-какие подобные дела уголовному розыску и прокуратуре удавалось поднять по горячим следам. Но с процентом раскрываемости все обстояло совсем кисло. Большинство убийц гуляли на свободе, выискивая новые жертвы.

Конечно, все эти преступления поднять не под силу не то что одному Апухтину, но и всей советской милиции и прокуратуре. Поэтому нельзя разбрасываться. Он видел своей задачей вычленить главное, то, что делает в регионе погоду. А нечто главное и жутковатое было. Он сразу почувствовал это всей шкурой.

Дни шелкали за днями. Вот уже близился к концу морозный февраль. Огромная советская страна жила большими свершениями и победами. Сошел с конвейера только что сданного под ключ Нижегородского автомобильного завода первый советский полуторатонный грузовик. В Москве прошла семнадцатая конференция ВКП(б). Там было отмечено, что в колхозы объединены уже шестьдесят процентов крестьянских хозяйств. Подведены итоги взрывного промышленного развития, позволяющего выполнить первую пятилетку в четыре года. Намечены планы уже на следующую, еще более грандиозную пятилетку. Шла наступательная работа по всем фронтам. И Апухтину становилось досадно, что он сам в такие судьбоносные времена утонул в бумагах. А вдруг ничего у него не получится? От такой мысли он еще упрямее брался за работу. Делал выписки. Чертил схемы. И ощущал, что постепенно, шаг за шагом, продвигается вперед...

Подшло обеденное время. Апухтин, закрыв кабинет, отправился пополнять прилично потраченные сидением за столом жизненные силы.

В столовой управления на первом этаже царил толчея. Но очередь шла быстро, так что вскоре он протягивал работнице поварешек и кастрюль желтый талончик. Ему быстро поставили на поднос тарелки с жиденьким супом и макаронами по-флотски, компот, выделили кусочек черного хлеба. Да еще напутствовали:

– Проходите! Не задерживайте! Следующий!

Кормили тут терпимо, но скудно. Страна пока что не могла решить продовольственную проблему, и призрак голода продолжал витать над ней. Притом в последние пару лет с продовольствием стало прилично хуже.

– Э, Прокурор, давай сюда! – махнул ему рукой похожий на профессионального циркового борца лысый Саша Щербаков, тридцатидвухлетний начальник отделения по особо тяжким.

За столом, где сидели трое «особо тяжких», как раз оставался свободный стул. Апухтин с благодарностью воспользовался предложением, потому что больше мест не было видно.

За первые дни пребывания в Ростове Апухтин сумел перезнакомиться с большинством оперативных сотрудников уголовного розыска. Заглядывал к ним в кабинеты, где постепенно становился своим. Вместе пили чай и трещали за жизнь и политику. Встречались в столовой.

В угрозыске царила бесшабашная веселая атмосфера. Юморные, щедрые на розыгрыши и шутки оперативники Апухтину всегда нравились. В местном управлении эта публика собралась в национальном и социальном плане крайне разношерстная. Тут тебе и русские, и евреи, и армяне. Бывшие воры и старый специалист – полицейский еще царских времен. Рабочий со станкостроя и недоучившийся гимназист. Но всех их объединяло ощущение единого братства людей, занятых тяжелым, опасным и крайне нужным трудом, посвятивших себя тому, чтобы, не жалея себя, спасать других. Они рисковали жизнью. Теряли своих боевых товарищей. Жизнь обтесала их, сделав твердыми, как алмаз, и верными друг другу и стране.

– Как, Прокурор, тебе наш Ростов-папа? – спросил Щербаков, отставляя тарелку и горестно вздыхая, что еда так быстро кончается.

С легкой руки Васильева к Апухтину так и прилипла кличка Прокурор. Но он не обижался. До прокурора он не дослужился, но все же в прокуратуре поработал.

– Да я почти не видел его, – ответил Апухтин. – Работа допоздна. Койка. Опять работа.

– Ты особо по городу не мотайся по ночам, – обеспокоился Щербаков. – Тут вор на воре и грабитель на грабителе. Вон, бывший наш начальник Художников – уж на что прошаренный был, а как в первый день в Ростов приехал, так у него «лопатник» и часики с прицепом около вокзала и тиснули.

– Нашли? – заинтересовался Апухтин.

– Да какой там! – махнул рукой Щербаков. – Было ваше – стало наше. Но многие пожалели... Так что если кто наезжать будет – ты сразу к нам. Мы поправим тварей неразумных. Может быть, даже жестоко.

– Обязательно, – хмыкнул Апухтин.

– Надо тебе экскурсию по памятным бандитским местам нашего города устроить. Лучше, чем иностранному туристу, покажем все.

– Тогда это за тобой, – сказал Апухтин.

– Ну а за кем же, – улыбнулся широко Щербаков.

Эти разговоры с розыскниками для Апухтина не были пустым времяпровождением. Он не только перезнакомился и сблизился с оперативниками. Из этих разговоров он узнал о криминогенной обстановке в крае и о его преступном мире не меньше, чем из материалов дел.

После обеда он снова углубился в свои пыльные папки...

С каждым днем настроение его постепенно повышалось. Он начинал нащупывать суть. В голове его уже складывалась некая картинка. Но для ее завершения не хватало еще слишком многого.

Он уже в первые дни понял, что нужно копать дальше по времени. Что преступлениями последних двух-трех лет проблема с «глухими» убийствами не ограничивается. Здесь присутствует нечто более глубокое и страшное. И запрашивал все более старые материалы. Приносил запросы Василию Васильевичу Васильеву, которого коллеги за глазами называли трижды Василием. Тот их подписывал без особых вопросов, только с иронией интересуясь:

– Не глубоко ли копаешь? Так и до каменного века добуришься, старатель.

– Да есть кое-какие странности, Василь Васильевич, – разводил руками Апухтин. – Прояснить хотелось бы.

– Ну, проясняй. Вкалывай. Бумагу кропать – это не ногами топтать. Бумага обхождения и вдумчивости требует, – язвительно говорил руководитель краевого розыска.

Ну да, оперативники ежедневно выезжали на мероприятия. Участвовали в задержаниях. Получали ранения. Задерживали убийц и насильников. Вертелись в бурном человеческом водовороте, пытаясь удержаться на плаву самим и удержать других людей. А Исай Апухтин копался в бумагах, как канцелярская крыса. Но он точно знал – что ответ именно в этих самых сводках, протоколах и материалах старых уголовных дел.

Однажды утром он посмотрел на календарь. А ведь прошел ровно месяц с его приезда в Ростов.

– Ну что же. Отметим эту дату промежуточным итогом, – бодро вслух воскликнул он.

Наконец у него сложилась более-менее ясная картинка. И ее пора обсудить с руководством.

И он принялся за самую приятную работу – подведение в целом успешных итогов. Написал на листке «Доклад».

Железное перо авторучки ленинградской фабрики «Союз» легко порхало по бумаге, складывая чернильные штришки и петельки в буквы, а буквы в слова. Эту авторучку вместе с портфелем подарил дядя Яша, когда Апухтина назначили на первую его должность – следователем прокуратуры Уральской области. И сказал что-то при этом банальное, вроде «самопишущее перо – это главное оружие следователя, и оно должно быть надежное и всегда наготове. А портфель – главное его снаряжение».

Закончив писать документ, Апухтин положил его в кожаную папку. Поднялся, поправил редкие волосы. И отправился в приемную руководства Управления ОГПУ.

За этот месяц они встречались пару раз. Державин угощал своего подчиненного чайком. Заводил отвлеченные разговоры, вспоминал о своем боевом прошлом. Особенно о польском походе, оставившем шрамы на плече и на душе. При упоминании о Тухачевском глаза его становились злыми, а щека дергалась. В общем, беседовали обо всем и ни о чем. Но Апухтин видел в глазах Державина вопрос: «Ну когда же ты принесешь в клювике результат?»

Вместе с тем Державин понимал, что Прокурор и так работает на износ, сутками не поднимает головы от своих бумаг. Требовать с него больше было бы просто свинством. А заместитель начальника Управления ОГПУ был человеком с пониманием и свинства в отношении подчиненных не позволял никогда.

Секретарша, вежливо и сухо поздоровавшись, пропустила молодого человека к начальнику сразу.

– Хочу сделать доклад, товарищ заместитель начальника управления, – на пороге четко отпараторовал Апухтин.

– Хотя не о международном положении? – усмехнулся Державин, приглашая подчиненного присаживаться.

– О выявленной серии умышленных убийств корыстной направленности.

– Интересный коверкот. – Заместитель начальника ОГПУ посмотрел на часы: – Давай в шестнадцать двадцать. Будут Васильев и Якунин...

Глава 9

1918–1922 годы

Те двое «дворянчиков» так и канули в болотах. Сгинули, развеялись, как пылинки, под злым ветром Революции и Гражданской войны.

Никаких разбирательств и расследований не было. И все же на душе у Бекетова лежала холодная лягушка. Хотя вероятность того, что обнаружат трупы, начнется полноценное расследование, в результате которого выйдут на бойцов заградотряда, была минимальная, но она все же существовала. И ее наличие лишало его спокойного сна. А вдруг их все же возьмут за жабры? И тогда рухнет все – планы, доступ к благам, которые по нынешним временам были немалые. И возможность пограбить всласть, ничего не боясь.

Но прошел месяц. Потом другой. Можно было считать, что убийство сошло с рук. И пора было присматривать следующие жертвы. Останавливаться на достигнутом Бекетов и его напарник не собирались.

И тут для них все рухнуло в одночасье. Доблестных бойцов продовольственного заградительного отряда самым позорным образом уличили в спекуляции реквизированным мясом.

Комиссар отряда товарищ Артем, непримиримый и пламенный большевик, бывший рабочий паровозного завода, который принимал участие еще в революции 1905 года и вкусил царской каторги, объявил перед строем:

– Накипь! Она трудовому народу не нужна. Сдать оружие и мандаты!

Удар был сильный. В самый разгар голода и разрухи слететь с такого насиженного места – это как ножом по телу полоснули.

После ритуала изгнания из рая Кугель произнес под нос что-то грозное:

– И за это ответят товарищи.

В его сумрачном сознании вечно зрели какие-то планы мести, как правило, беспочвенные и труднореализуемые. А Бекетов только пожал плечами и горестно вздохнул. Он прекрасно осознавал, что они легко отделались. По нынешним временам и за гораздо меньшие грешки ставили к стенке.

Выйдя за территорию отряда, подельники, даже не пожав друг другу на прощание руки, направились в разные стороны. Кугель – бодрой нервической походкой. А Бекетов – тяжело шаркая и загребая разбитыми ботинками с обмотками дорожную пыль. Расходились они, как им тогда казалось, навсегда.

И началась у Бекетова какая-то чумная жизнь. Золотишко и резко обесценивающиеся купюры, которые он нагреб на службе в заградотряде, быстро кончились. Не шибко дорого это самое золото и камешки шли, когда вокруг голод. В такую пору иногда кусок хлеба идет за золотое кольцо с рубином, и это считается выгодным обменом. Потому что кольцо в рот не положишь. А хлеб – это жизнь.

Воевать Бекетов не хотел и отбоярился от ставшего обязательным призыва в Красную армию. Сперва вернулся в родные края, к своему непутевому родичу Борьке в деревню Свиридово. Нанимался за еду батрачить на кулаков. Но работать он не любил и, по причине слабосилия, не слишком-то и умел, так что заканчивалось все одинаково – хозяйчики гнали его в три шеи, чаще даже не заплатив. Чтобы не сгинуть с голода, он ушел в странствия по горячей стране.

И подхватили его суровые ураганы Гражданской войны, с неугасимой силой ревущие над Россией, сметающие города и судьбы. В стремлении найти то счастливое место, где можно затаиться, выжить и не голодать, он был не одинок. Все дороги России были забиты такими

людьми, ищущими безопасности и хоть немного сытости. И не находившими их. Вся страна умывалась кровью. И везде люди становились зверьми.

Шататься неприкаянно по городам и весям Бекетову было не впервой. Рано оставшись без родителей, он получил в наследство хороший земельный надел. Крестьянский труд он ненавидел, поэтому землю просто сдавал в аренду. Вырученных денег ему хватало, чтобы не умереть с голоду, да еще поигрывать в карты. Азартные игры были его страстью. Он научился играть, а также обманывать, приобрел все навыки шулера. Разъезжая по югу России, перекидываясь на катранах и в кабаках в картишки, знакомился с разным темным народцем. С каждым годом все глубже погружался в такой образ жизни. Пока его легкое существование не прервал призыв на Мировую войну.

Вот и сейчас, как встарь, он шагнул по русским просторам, но теперь это был как будто поход по минному полю. Он теснился в пассажирских железнодорожных вагонах, переполненных самым разношерстным народом, одетым в массе своей в такие чудовищные обноски и рванину, которые еще недавно трудно было себе представить. Старые зипуны и рваные пальто с дырявыми пиджаками шли за роскошь. В стране остановилась текстильная промышленность, люди donaшивали всякий хлам, шили кафтаны из штор, рубашки из простыней. Эта нищета разбавлялась суровыми комиссарскими кожанками и военными френчами, перетянутыми ремнями.

Вырываясь из этого убогого и страшного маскарада, похожего на адские фрески в церкви, Бекетов забивался в замороженные товарняки, где порой едва не замерзал насмерть под ставший уже привычной музыкой стук колес. Брел пешком или ехал на телегах, если подвозили. Устраивался на ночлег, где получится – часто в чистом поле или в заброшенных хозяйственных постройках. И пытался скрыться от войны. По коже его проходил озноб из-за далекой канонады, накатывали воспоминания о Первой мировой.

Жить на что-то надо было. Он пытался подворовывать, но быстро понял – времена нынче суровые, если попадется с поличным, то о суде можно будет только мечтать. Кончат на месте. Пробовал вернуться к карточной игре и шулерству. Так чуть не убили. Колотили жестоко, сломали кисть руки. Хорошо еще, что выжил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.